

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 40 КОП

КРОКОДИЛ

Рис. М. Черных

ЛАГЕРЯ ШМИДТА БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

И многим из наших хозяйственников надо учиться у челюскинцев и их спасителей, как переезжать с места на место со своими учреждениями.

НЕ СМЕШНО!

Как вам угодно. Можете ругать автора этих строк самыми последними словами. Можете предъявить ему любые обвинения. Но сегодня ничего веселого я не напишу. Даже и не попытаюсь вызвать улыбку на ваших читатель, сурово сомкнутых устах.

Не смешно! Наоборот. Хочется ругать. Хочется бросить в лицо действующим лицам этого фельетона слова, полные негодования и гнева, слова, острые и царапающие, как кусочки битого стекла.

Я твердо решил: Ростов не еду. На данном отрезке времени в Ростов опасаясь ездить. Да, **опасаясь!** И даже жирным шрифтом подчеркиваю это похвальное слово.

Можете обвинить меня в трусости. Можете в воспитательных целях привести для примера имена величайших храбрецов нашего века. Не поможет. Я согласен на любую командировку. Но не в Ростов-на-Дону.

Потому что один из ростовских работников, по фамилии Андреев, хочет причинить мне большие неприятности. Намерен испортить мое цветущее здоровье.

Скажем прямо: Андреев покушается на мою жизнь. Вот эта роковой развязки я, по понятным для вас причинам, и хочу избежать. Не нужно мне этого. Уж как-нибудь проживу и без роковой развязки. Ну ел!

Должен предупредить, что намерение Андреева уничтожить меня не имеет под собой никакой романтической почвы: дескать, опасный соперник, красивый мужчина, и надо от него избавиться.

Вообще, между нами нет никакой личной вражды. Мы друг друга даже в глаза никогда не видели. А я только сегодня утром узнал о существовании азово-черноморского Андреева.

Но тем не менее именно он покушается на мою жизнь.

Вот в том-то и вся беда, что это не шутка. Не какой-нибудь фельетонный заворот. Не иносказание, а сущая правда, к сожалению.

И не я один намечен Андреевым в жертву. А также много ростовских граждан. И даже вы, читатель, если только останетесь в эти дни в Ростове. Предупреждаю.

Но пора нам подробнее ознакомиться с личностью Андреева и с его деятельностью. В Ростове имеется Азчерконсервтрест. Вы, вероятно, догадываетесь, что это означает Азово-черноморский консервный и так далее. Вы также догадываетесь, что во главе Азчерконсервтреста еще находится Андреев.

Там же, по близости от Андреева, находится подведомственный ему консервный завод «Смычка». Что же касается Москвы, то в Москве живет и работает учреждение Союзконсервсбыт.

Итак, все понятно, и дальнейших разъяснений не требуется. Андреевская «Смычка» производит консервы, а московский Союзконсервсбыт распределяет наряды на консервы.

Исходя из вышеизложенного, Андреев 3 марта 1934 года в официальном отношении за № 150303 пишет управляющему Союзконсервсбытом:

„Вами снова восстановлен наряд заводу «Смычка» на мясорастительные консервы для реализации их через коммерческую сеть в городе Ростове и Шахтах, наряд № 88212. Между тем, Вам, очевидно, известно, что...“

Тут мы с вами, читатель, невольно настораживаемся: что же известно и Андрееву и управляющему Союзконсервсбытом, а нам до сих пор не было известно?

„...что мясорастительные консервы на «Смычке» по решению сантехздравкомиссии...“

Понятно. Раз в дело вмешалась такая авторитетная ученая комиссия, значит плохо. Консервы забракованы. Придется свезти их на свалку. Но читаем дальше:

„... по решению сантехздравкомиссии можно реализовать только через сеть общественного питания...“

Итак, если консервы—дрянь, их нельзя продавать в магазинах. Но кормить ими людей в столовых и ресторанах — пожалуйста. На это согласна и санитарная комиссия. И сам Андреев.

Что же случилось с консервами? Маленько протухли, что ли? Нет, тут пахнет совсем другим.

„...так как эти консервы изготовлены из части чечевицы, в которой обнаружены кусочки стекла, о чем я неоднократно сообщал Главконсерву“.

Все в порядке. Все информированы. И санитарная комиссия. И Андреев. И Союзконсервсбыт. И Главконсерв.

А потому Андреев просит Союзконсервсбыт срочно отгрузить это битое стекло с чечевицей:

„...организациям, потребляющим консервы в порядке общественного питания“.

Итак, по милости Андреева и прочих в столовых Ростова может появиться в меню смертоносное орудие.

Это, товарищи, не глупость. Не головотяпство. Может быть, мы будем слишком резки, но назовем вещь своим именем. Это — ВРЕДИТЕЛЬСКИЙ АКТ.

И тут не фельетоны надо писать. А суровый судебный приговор.

Г. РЫКЛИН

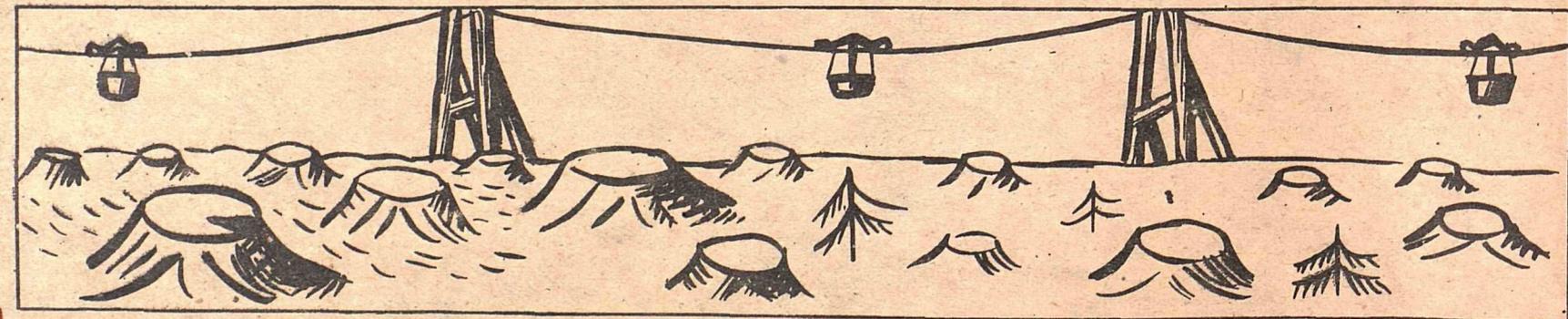
Рис. Л. Бродаты

В кратчайший срок, где глушь лесная,
Пройдет дорога подвесная.

Растет и дороге интерес,
Ну, а пока — редеет лес.

Нет леса. Есть дорога. Впору
По ней проехать и прокурору.

Слободскую подвесную дорогу для вывозки леса (Вятский район) строили четыре года. Когда закончили дорогу, лес уже был вырублен.

КОПАЙТЕ ДАЛЬШЕ

Говорят, в Америке на каждую личность в год идет бумаги 25 кило. Вот это здорово.

Что они лапшу из нее делают, что ли? Нет, они из бумаги делают какие-то тарелочки, чашечки, блокнотики. У них там у бачка с кипяченой водой стопочка бумажных стаканов стоит. Один попьет и безжалостно выкинет этот стаканчик. В смысле заразы, говорят, очень гигиенично.

Ну, кроме того, они, конечно, книги печатают, переписываются друг с другом чуть не ежедневно.

А у нас бумаги, к сожалению, мало употребляют. Конечно больше, чем в довоенное время, но все же чертовски мало.

К тому же у нас при слове „бумага“ мысленно рисуются скорее плохие представления, чем хорошие. Нам мысленно рисуются какие-то удостоверения, какие-то счета от Электротока, какие-то комочки, лежащие на тротуарах, какие-то телеграфные бланки, на которых все слова расплываются, или жуткие конверты, которыми можно простоквашу покрывать, а не адреса на них писать.

Нам мысленно слышится скрипящий голос почтового работника: „А, да нет у нас бумаги, чего вы лезете!“

Ах, чорт возьми! А мы мечтаем, чтоб у нас было много бумаги, чтоб книги и учебники продавались бы на каждом шагу, чтоб письмо, в силу качества бумаги, приятно было бы послать, а не наоборот.

Одним словом, большие надежды у нас связаны с бумажным делом.

И в силу этого своим суровым взглядом мы должны окинуть наши ресурсы.

Вот в поле нашего сурового взгляда попался Сясьский комбинат.

Брови у нас сдвинуты, глаза мечут молнии, и побелевшие губы шепчут: „Чорт возьми!“

А приехал туда на Сясьский бумажный комбинат один ответственный работник. Ну, конечно,

Ну, конечно, разные комиссии и перекомиссии создали. Решили узкоколейку построить. Выписали вагонетки, пятое, десятое.

Ну, закипела работа. Начали расчищать путь для прокладки рельсов.

И вдруг видят — под горой мусора какие-то, чорт возьми, рельсы виднеются, доисторические, что ли.

Очень удивились. Начали копать дальше. Пардон. Видят — чудные рельсы проложены и на них вагонетки стоят. Пардон. Что такое?

Видят — готовый под'ездной путь имеется. И целый состав чудных, хорошеньких вагонеток.

Тут поднялись крики бис и ура.

Оказалось, — не надо тратить народные соки — денюжки. Все в порядке, путь готов, поезжайте.

Тогда стали думать, как это случилось.

Главное-то — фабрика новая. Всего пущена к 10-й годовщине.

А позабыли, чего у них имеется.

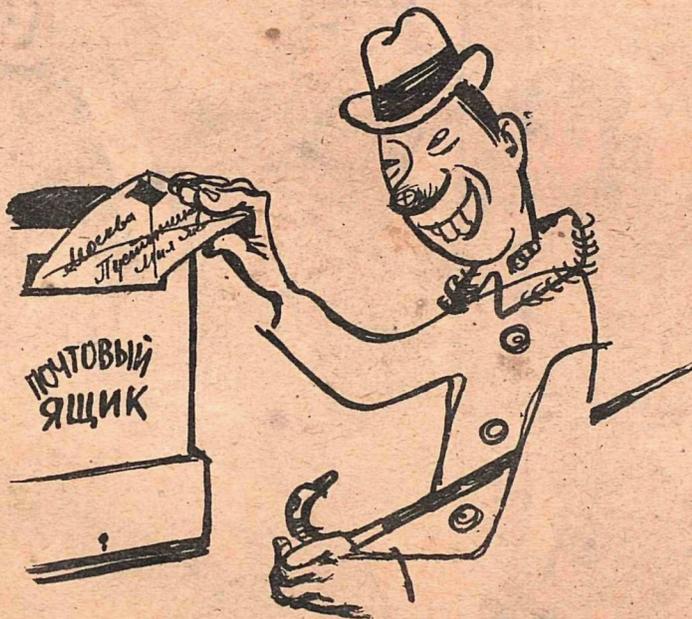
Ну, конечно, мы понимаем — текучесть состава и склонность погрязней жить, но все же, братцы, оно как-то не того.

Знаете что? Копайте дальше. Чорт его знает, чего еще можете обнаружить. Может, там у вас под горой мусора целая бумажная фабрика заболталась.

Было бы на руку. Прибавилось бы у нас на каждую личность немного бумаги.

Бумага! Как говорится у поэтов: как много в этом чудном слове для сердца нашего слылось.

МИХАЛ МИХАЛЫЧ

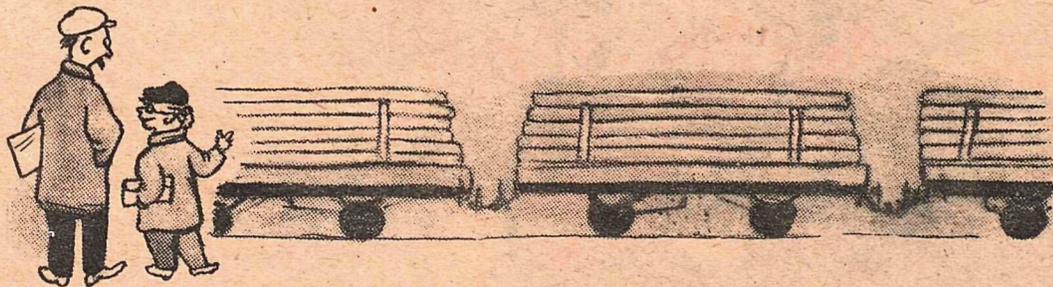

увидел там горы мусора, грязи и кустарщину. Его, главным образом, удивило, что там нет даже под'ездных путей. А там шлак и колчеданные огарки вывозят, поругиваясь, от печей на тачках, вручную. Ну, и, конечно, сваливают все тут же. Цельные горы образовались. Прямо Альпы.

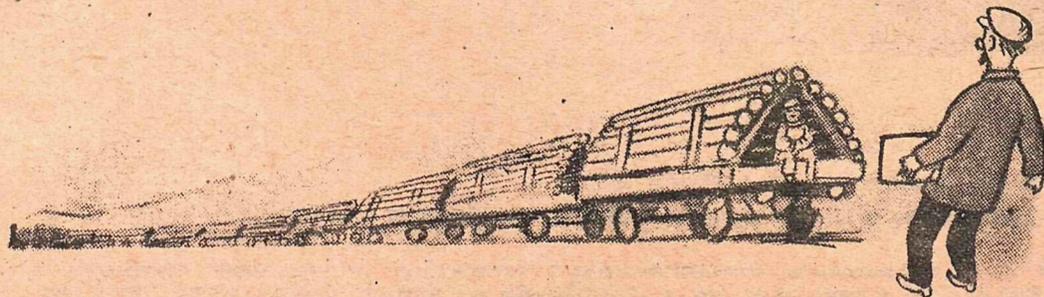
ИСКУССТВО ПОГРУЗКИ

Рис. Л. Генча

Нейский леспромхоз Унжлеса из-за неправильной укладки бревен отправляет железнодорожные платформы наполовину недогруженными.

Отличный вид сбоку...

... И максимум света и воздуха для сопровождающих.

— Ты что же дерево-то не рубишь?
— А мне, граждане, из-за вас и размахнуться негде...

С БОЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ

Кандыба, старый донской казак, пошевелил седыми усами и сказал мне, глядя на свой сапог:

— На Азовско-Черноморский наш край обращается большое внимание. Главное, конечно, в отношении сева. Не посеешь, не пожнешь: это верно. И что посеешь, то пожнешь: это тоже справедливо. Однако некоторым можно и вовсе не сеять. Некоторые и без того проживут.

Кандыба перевел взгляд с сапога на меня и спросил:

— Раз'езд Ключево знаешь?

— Не знаю.

— Ну, вот. Около этого раз'езда хутор есть: Репеховка. В нашем же, в Мечетинском районе, семей тридцать живут на том хуторе: на Репеховке — духоборы, большой святости люди.

— Ну!

— Ну, живут. Хорошо живут: всякому б так жить! А не сеют, не жнут. И нынче не соглашаются сеять. „Для чего ж нам, — кажут, — воно? Нам не треба!“

— Да как же они живут?

— А неплохо живут. Сыты, обуты, одеты...

— Я не про то... Откуда они сытость берут?

— Известно, божьи люди, — сказал Кандыба. — Ну, господь и помагает.

— Как же он изловчается?

Кандыба усмехнулся:

— Это ему плевое дело! Помощь не хитрая. Вот, ты гляди: я тебе на столе пальцем весь план покажу. Вот, тут значит, хутор этот самый: Репеховка... А вот тут, под боком, — колхоз „Марксист“. Здесь вот, опять-таки рядом, — Егорлыцкий зерносовхоз, с этой стороны — племхоз „Овцевод 5“, а с той — конзавод... Понимаешь теперь?

— Понимаю, — соврал я, — они, значит, этого...

— Эге ж! — подтвердил Кандыба. — В зерносовхозе хлеб, в Овцевод — кукуруза, в колхозе — всякий продукт, а на конзаводе — овес и сено!

— А они, этого... на работу туда нанимаются?

Кандыба поглядел на меня, как на покойника, и вздохнул:

— Эх!.. Божьи-то люди? Нет, к этому они непривычны. „Робиты не желаемо! — кажут. — Для чего, — кажут, — робить, когда можно воровать?“

Я, наконец, понял:

— Ага. Они, значит, обворовывают зерносовхоз?..

— Эге ж! — подтвердил Кандыба. — И колхоз „Марксист“. И „Овцевод 5“. И конзавод. Второй год воруют кругом: тем и живут. Неплохо живут: и сыты, и запасов наделали, и кони у них гладкие...

— И до сих пор так живут? Без хлопот, без забот?

Кандыба развел руками:

— А что ж поделаешь с ними, с мерзавцами? Уж мы и так и этак прикидывали: то ли к суду их привлечь, то ли приравнять к кулакам, то ли арестовать парочку для острастки, то ли докладчика к ним послать... Кто его знает, что с такими паразитами делать!..

— А если, например, такую штуку...

— Ну, ну... — заинтересовался Кандыба.

— Если, например, построже охранять общественную и государственную собственность? Так поставить дело, чтоб нельзя было целым хутором почем зря обворовывать колхоз и совхозы?

Кандыба разочарованно махнул рукой:

— Э!.. Оно, може, и можно... Так ведь до этого ж додуматься надо!

— А отчего ж было не додуматься?

— Та времени ж не було! — сказал Кандыба. — Они же всего только второй год воруют: когда ж тут додуматься та й ще охранять?..

Мечетинская МТС

ГРАМЕН

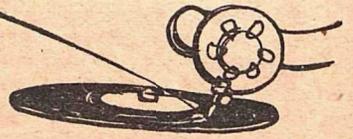
ИЗ АРХИВА НЕИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Рис. К. Ротова

Способ тушения небольших пожаров, предложенный художником К. Ротовым. Спички фабрики „Гигант“ признаны для этой цели наилучшими: не загораются ни при каких условиях. После пожара могут быть использованы в качестве показательного бранка. До пожара — тоже.

Мы вышли в сад

— Вот, — прошу убедиться!
Жена ахнула и всплеснула руками.

— Она?
— Она самая.
— Не может быть!..
— Факт.

Жена даже слегка побледнела от счастья и неожиданности.

— И пластинки?
— И пластинки. Двадцать штук. Факт.

С этими словами товарищ Рязанцев осторожно развернул газету, и глазам восхищенной жены предстала совершенно новенькая, ослепительная, долгожданная виктрола производства завода „Граммфон“, № 12536.

— Двести семьдесят рубликов. Как одна копейка. Три месяца собирал!

После обеда пришли друзья и соседи.

чажок. Пластинка завертелась, чарующие звуки рояля наполнили комнату.

Друзья и соседи затаили дыхание. И вдруг из этих мелодичных и звонких звуков возник прелестный мягкий, бархатный баритон, который неторопливо начал глубоко волнующее повествование:

„Мы вышли в сад... Вечерняя прохлада.. Уже...“

Тут в середине виктролы что-то зашипело и выстрелило. Пластинка остановилась.

— Ах ты чорт, на самом интересном месте! — воскликнули гости.

— Ничего, — сказал товарищ Рязанцев. — Сейчас я все это устрою. Он быстро разобрал виктролу и сунул в нее нос.

— Пружина лопнула, — огорченно вздохнул он.

— Перекрутил! — с досадой сказала жена. — Медведь!

— А будь ты трижды незладна! Расстроенный Рязанцев, стараясь не смотреть на жену, быстро разобрал машину и огорченно покрутил головой.

— Пружина лопнула.
— Называется склепал! — насмешливо заметил один из гостей.

— Да нет, где я склепал, там держится. Будьте уверены. В новом месте лопнула. Придется снова клепать. Приходите завтра.

— Интересно все-таки узнать, что „уже“?

— Чего „уже“?

— Вечерняя, я говорю, прохлада уже... Интересно все-таки узнать, что там дальше произошло с вечерней прохладой. Ну, „Мы вышли в сад... Вечерняя прохлада уже...“ А что „уже“, — неизвестно. Даже как-то обидно.

— Завтра приходи. Завтра я ее склепаю, тогда уже обязательно выясним, что „уже“. Спокойной ночи.

На другой день бархатный баритон вкрадчиво начал:

„Мы вышли в сад...“
Гости затаили дыхание.
... „вечерняя прохлада...
Уже...“
Крррак!

— А чтоб ты сдохла! Опять лопнула. На новом месте.

— Товарищи! Это благородно! Позвал людей в гости, а что „уже“, — никто не знает! Мы желаем узнать, что „уже“.

— Не смотри б на тебя мои глаза! — с отвращением сказала жена. — Вышла замуж чорт знает

„Мы вышли в сад... вечерняя прохлада...“

Уже...“
Кр-р-р-р-ак!
— Так-к-к я и знал! — простонал Рязанцев, хватаясь за голову.

Гости злорадно захихикали.

— Изверг! — закричала жена истерическим голосом. — Сил моих больше нету! Ухожу от тебя, окаянного, к папе и маме. Не могу жить с постылым!

И она стала нервнo укладываться. Товарищ Рязанцев поник головой.

Поздней ночью он писал треугольнику производственного кооператива „Граммфон“ горькое послание.

Писал он, между прочим, следующее:

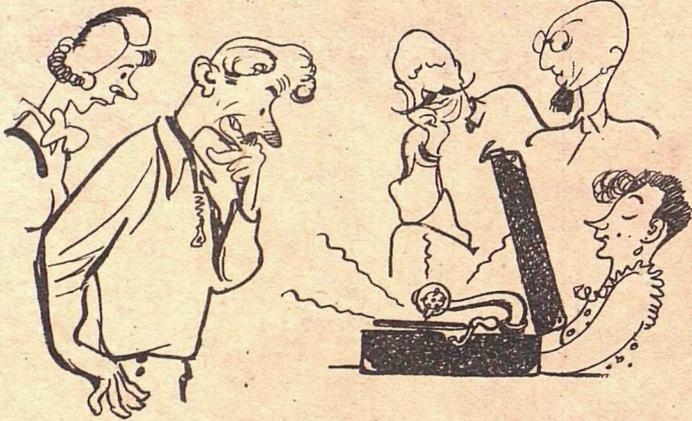
„... А также посылаю 15 рублей задатка и прошу вас убедительно, дорогие товарищи, пошлите мне хорошую пружину, чтобы я хоть проиграл все 20 пластинок, чтобы жена мне шею не пилила, чтобы товарищи не смеялись и чтобы оправдать 270 рублей. Сделайте милость, пошлите то, что я прошу. Кроме вас, где я могу ее достать? Ведь жалко же напрасно деньги гробить...“

И крупные слезы капали из его покрасневших глаз на лист серой бумаги.

„Мы вышли в сад... вечерняя прохлада...“
Уже...“
Кр-р-р-р-ак!

Эй, вы, дорогой товарищ треугольник производственного кооператива „Граммфон“! Чорт вас поберит!

Не мучьте человека.
Что „прохлада“? Что „уже“?
Этот вопрос с „прохладой“, наконец, должен быть выяснен в ту или другую сторону. Надо же, наконец, дать четкий исчерпывающий ответ:
— Что „уже“?

Товарищ Рязанцев произнес краткое вступительное слово.

— Значит такое дело. Приобрел, братцы, виктролу. Вот это — виктрола. Прощу руками не лапать. Интересное изобретение. Играет. И, само собой, пластинки. Как говорится, культурно-бытовое обслуживание трудящихся и прочее. Предлагаю приступить к наслаждению музыкой. Никто не возражает?

— Чего же возражать.
— Валяй! Валяй!
— Что завести?
— Заведи какой-нибудь романс, — нежно попросила жена.

— Можно и романс, ничего не имею. Вот, например, интересный романс: „Мы вышли в сад...“

— Валяй „Мы вышли в сад“! — сказали завистливо гости.

Товарищ Рязанцев поставил пластинку и бережно передвинул ры-

— Ничего, — сконфуженно забормотал Рязанцев, — мы ее сейчас — это самое... склепаем... Приходите завтра. Завтра дослушаете.

— Ну, — сказал на другой день Рязанцев, — склепал! Теперь уж не лопнет.

— Осторожно заводите! — простонала жена.

— Не беспокойся. Не сломаю. Ну-с, дорогие товарищи, прошу соблюдать тишину и поменьше курить. Пускаю.

Снова чарующие звуки вступления наполнили комнату, и снова мягкий, бархатный баритон начал волнующую повесть:

„Мы вышли в сад... вечерняя прохлада...“

Уже...“

— Крак! — выстрелило в середине виктролы, и пластинка остановилась.

за кого! Чем всякие виктролы покупать, перед людьми позориться, лучше бы купил на эти деньги масла, что ли. А то „Мы вышли в сад, вечерняя прохлада... Уже...“ А что „уже“, — неизвестно. Хоть в глаза людям не смотри.

И она заплакала.

Через три дня бархатный баритон опять вкрадчиво начал:

ТОЛКАЧИ

Кабинет начальника одной из станций Донецкой железной дороги. Входит гражданин в желтом кожаном пальто и в котиковой шапке. Широким шагом подходит к начальнику и громко восклицает.

— Ваше лицо мне очень знакомо. Я вас где-то видел!

— Все возможно!—пожимает плечами начальник станции.—А что?

— Позвольте, позвольте, дорогой, так и есть, я вас определенно видел в Хабаровске.

— В Хабаровске я не был!

— Ах да, действительно!—сразу вспоминает гражданин.—Ведь мы же с тобой виделись не в Хабаровске, нет, мы в Харькове виделись. Определенно!

— В Харькове? Не знаю, не помню. А в чем, собственно, дело, товарищ?

— Дело-то? Дело небольшое. Маленькое дельце. Пустячок. Суший пустяк. Мелочь. Так вот из Кофака я. Кофак. Понимаете? Понимаешь? Конфеты, варенье, мармелад. Могу предложить. Пятьдесят, сто, полтораста баночек варенья. Малина. Абрикос. Экспортное. Возьми попробуй. Пустяки. Не жалко. Мелочь!

Начальник недоумевает.

— Вы куда, собственно, пришли? Что вам угодно, гражданин?

— Что мне угодно? Так. Ничего особенного. Пустячки. Мелочь. Три-четыре порожних вагончика. И мы будем квиты. В чем дело? Об чем разговор? Мелочь...

Дверь кабинета открывается настежь. К начальнику подходит гражданин в абсолютно военной шинели с портупейми.

Удар кулаком по столу.

— У нас горит... тонет... все летит к чертям, портится, разрушается. А здесь у вас бюрократизм, волокита, циркулярщина.

— Вам что? Говорите прямо. Вагоны? Нет вагонов!

— Нет? Ах, нет? Да как вы смеете? (Удар кулаком по столу). Я красный партизан. Вы еще узнаете, кто я такой! Я представитель пролетариата. Я (удар по столу) до самого Калинина дойду. Я этого так не оставлю. Я (удар кулаком)!

Затем — порывистый уход. Затем — порывистое возвращение.

— Последний раз спрашиваю: даете вагоны?

— Не могу. Ничего не могу. Вы не входите в план.

— Как-ак? Центральный трест Мосгорчица не входит в план! Бюрократы! Волокитчики! Циркулярщики!!! Ну, дайте хоть два вагона!

На столе у начальника станции—телефонный звонок.

— Андрей Никитич! Это ты? Говорит Мухамбеков. Приходи ко мне барашка кушать!

Начальник станции приятно, ласково улыбается, отвечает в трубку:

— Не могу, друг. Занят! В другой раз!..

Через несколько минут в кабинете начальника появляется плотная фигура в черной кожаной куртке и пестрой тюбетейке. За плечом—охотничье ружье.

Это и есть Мухамбеков. Он ласково, укоризненно качает головой.

— Ай-яй-яй, барашка кушать не хочешь. И какой злой стал. За два года первый раз такой злой. Вагонов не даешь. Мой Союзчувяк обижаешь, нехорошо, ай-яй, как нехорошо!

— Что же делать? Не могу, дорогой. Для тебя бы, сам понимаешь. Но не могу!

— Ну, ничего,—примирительно говорит Мухамбеков.—Знаешь, приходи завтра. Трубку подарю. Курить табак хороший будем!

Не глядя на начальника станции, гражданин, в ковбойской шляпе и с кобурой на ремне, берет трубку телефона.

— Дайте ЦК!

Рокот в трубке:

— Мы не знаем. Звоните в Харьков!

— Ну и порядочки! Давайте ваш Харьков. Алло, Харьков? Пал Петрович? Это я говорю. Я. Вот сейчас мне тут дают двадцать вагонов. Да, да, да. Как мы с тобой условились. Что? Мало? Не двадцать, а тридцать? Хорошо!

Телефонный разговор заканчивается.

Мгновенная пауза.

— Договорились с Харьковом?—не без ехидства спрашивает начальник станции.—А я все время хотел вас предупредить: по этому телефону можно говорить только с будкой стрелочника. Никакого Харькова. Понимаете? А теперь убирайтесь вон!

— То-есть как убирайтесь?

— А так, очень просто, проваливайтесь!

— А? Что? Пардон, одну минуточку, тут недоразумение. Разрешите нам с вами остаться тэт а тэт, антр ну, так сказать. Впрочем... нам не мешают.

— Чего еще там?

Элегантное движение руки гражданина в ковбойке и—золотые дамские часики сверкнули перед глазами начальника станции.

— Супруга часиками Мозер не интересуется?

Тяжело вздыхая, начальник станции выходит на платформу. За дверью к нему сразу бросается какая-то фигура и что-то лопочет, преграждая дорогу. Фигура оказывается маленьким человечком в жеребьячей дохе до земли и кожаном шлеме. На ногах резиновые сапоги. Фигура притоптывает и приплясывает, показывая какие-то кабалистические знаки.

— Ничего не понимаю!—истошно кричит начальник станции.

Фигура, жалобно мыча, показывает сначала пятерню, потом четыре пальца, потом три, потом два, потом один. А уже затем—документы.

Из документов начальник станции узнает, что имел удовольствие разговаривать с глухонемым представителем кооперативного товарищества „Красная ирисна“, каковому товариществу, разумеется, очень и очень нужны вагоны. Прямо дозарезу.

ВЫЕЗДНАЯ БРИГАДА „КРОКОДИЛА“

МИМОХОДОМ

ДВЕНАДЦАТИДЮМОВЫЙ ТУРИЗМ

Японское агентство „Симбун“ кокетливо сообщает, что в Юки (порт в Корее)

выехала первая группа **ВООРУЖЕННЫХ ЯПОНСКИХ ЭМИГРАНТОВ.**

Не последует ли за ними и прибытие очередной партии туристов, снабженных дальнобойными орудиями?

ОШПАРЕННЫЕ ПТИЧКИ

Социал-демократ Лебе, бывший председатель рейхстага, пишет сейчас о своей преданности фашизму в таких выражениях:

„Стоило моей жене напомнить ему (Герингу) обо мне, как меня тотчас же выпустили. Отношение властей — исключительное...“

Социал-демократы, как птички: сядут—поют, выпустят—поют. Лишь бы перья остались. Для писания гнусных статей, конечно.

ЛОГИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

В берлинском „Театер Тагеблатт“ фашист Ноббе выступает со следующим заявлением:

„Всякая критика дезорганизует. И раз мы запретили политическую критику, — следует запретить и критику театральную.“

А попутно можно запретить и сам театр. Зачем, действительно, гражданину сидеть в партере, когда для этого есть концлагери?

РОКОВАЯ ЧЕТВЕРТУШКА

В „Мюнхенском медицинском еженедельнике“ помещено такое объявление:

„Ищет работу молодой хирург. Трехлетняя практика, имеет научные работы. НА ТРИ ЧЕТВЕРТИ АРИЕЦ.“

Повидимому, молодому хирургу придется остаться без работы по своей специальности. Ведь для того, чтобы резать своих сограждан, надо быть полным арийцем.

КТО ПРИ ЗВЕЗДАХ И ПРИ ЛУНЕ ТАК СТРАННО СКАЧЕТ НА КОНЕ?..

Рис. К. Ротова

Это скачет бригадир Николайченко (Днепропетровская область), получивший в премию вместо велосипеда только руль и седло. А отправлял эту премию завхоз Колхозцентра Князев.

ЗА НЕОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕДОЙ

Что вы знали до сих пор о Яхшибенянце? Ничего или очень немного. Ну, знали, например, что он был начальником Елецкого стройучастка. Потом узнали, что он уже больше не начальник в Елцеке, а совсем наоборот—снят с работы за саботаж. Наконец, что Яхшибенянец еще жив-здоров и вновь начальствует на стройучастке в Кондрашевке.

А где же слава Яхшибенянца?

Пришла и она к нему.

И прославился положительно благодаря пустяку: он не писал романов, не сочинял опер, Яхшибенянец написал всего только один приказ. Всего несколько строчек:

„За необеспечение меня едой 4 февраля сего 1934 года по возвращении из Луганска, несмотря на предупреждение нач. адмхозчасти и моего заместителя тов. Исаенко, ПРИКАЗЫВАЮ: арестовать на 3 суток с исполнением служебных обязанностей зав. столовой ИТР т. Заславского“.

Чтоб довести об этих немаловажных событиях до сведения широких масс трудящихся Кондрашевки и ее окрестностей, Яхшибенянец собственноручно на приказе написать соизволил

„Объявить сотрудникам путем вывешивания копии приказа“.

И только из излишней скромности не дописал: прочесть во всех полках, ротах, эскадронах...

Тем не менее, Яхшибенянец достиг популярности неслыханной. За каждым его шагом ближайшие его помощники, тот же Исаенко и начадмхозчасти Евстатов следят с величайшим волнением: а вдруг, неровен час, он куда-нибудь в дорогу соберется...

И когда Яхшибенянец выходит из дому, по всей линии по телефону, телеграфу, радио отдают приказания:

„Выехал. Избежание несчастного случая готовьте пищу. Меню затрудняемся указать. Всяком случае начальник обжора. Запасайте всякой всячины расчета трех человек. Крайнем случае Яхшибенянец скушает один“.

СТАРАЯ ПОСЛОВИЦА В ТЕКСТИЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Рис. К. Рогова

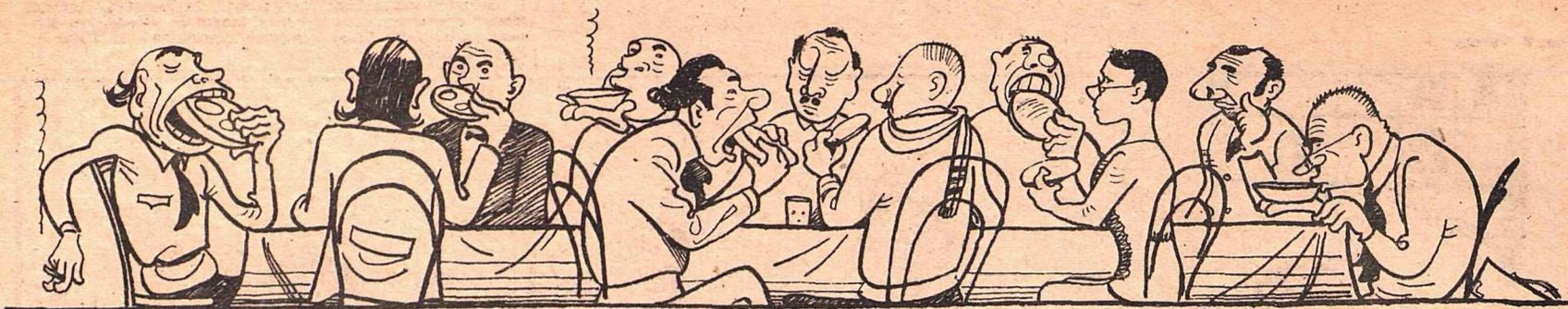
Материя, окрашенная красителями дорбоневского завода Акило'единения (директор Гавич, секретарь партчейки Миллер, предзавкома Токоров) линяет решительно от всего: от света, трения, стирки и т. д.

Не место красит человека...

... А человек — место...

РАССКАЗ ПЕСНЕ

Тусклое вечернее солнце уходило медленной старческой походкой. В унылых творческих покоях Музгиза двадцать два лица мужского пола сидели за зеленым столом и ели громоздкие бутерброды с ветчиной.

Председательствующий скорбным теоретическим взглядом осмотрел собравшихся композиторов и поэтов и сказал тоном, в котором чувствовались невыплаканные слезы:

— Я буду краток. Колхозу нужна песня.

Некоторые сочли наступившую паузу скрытым жестом гостеприимства и потянулись к торту. Активисты, уже съевшие свою долю, предложили ввести жесткий регламент для ораторов в две минуты и немедленно приступить к выдаче авансов под „магнотрой“ колхозной песни и под большие полотна сельскохозяйственных частушек.

— Имею один готовый магнотройчик на четыреста восемь строк, — заявил один из поэтов, — с рифмами, с падежами и так далее.

— Четыреста восемь много, — вздохнул главный музгизовец, — неудобно петь. Колхозники должны будут запеть ваш опус утром, а кончить к вечеру.

— Могут петь в два приема, — обиделся поэт, — это уже не критика, а налет. Меня даже в „Новом мире“ печатают. Там меня могут петь, а в колхозе не могут? Так, по-вашему?

— Нам нужна короткая песня, — скорбно увещевал главный музгизовец. — Бодрая. Выдержанная. И через декаду, не позже. Сами понимаете, — прорыв.

— Кто собственно нынче поет в колхозе? — осторожно осведомился маститый композитор. — В мое время в колхозах эти самые пели... как их, старосты, что ли. Соберутся на завалинке, напьются и поют. Никогда еще не писал вокальных номеров для сельскохозяйственных голосов.

Маститого композитора незаметно отгнали в угол и стали убеждать переключиться. Остальные перед заревавшей в воздухе получкой аванса шумно выражали идеологический протест.

— Можно сказать, — веселее-посевная, катерпиллеры, силос, а что поют? „Ухарь-купец“ поют!

— Безобразия! „Ухарь“! Теперь даже и должности такой нет... Непременнo надо ударить песней по колхозу!

— А то еще „Коробушку“ поют.

— „Коробушка“ — это другое дело. Это уже освоение классиков. Коробушка — это из „Мертвых душ“.

— Там Коробочка, помещица. А это, кажется, из Некрасова, если не из Жарова.

— Не помещица, а лавочница. Потом ее еще ножиком пырнули. Из Уткина.

Дискуссия закончилась авансами. Композиторы получили под вокальные полотна, поэты — под текстовые „магнотрой“.

Дело колхозной песни, как это говорится, сдвигалось с мертвой точки.

— Лучшей формой для передового колхозника, — сказал молодой поэт с плохой популярностью и неприятными манерами, — была бы, конечно, колхозная сага. Но я перешагнул через нее. Передовому колхознику нужен бодрящий, звучный куплет с доходимым рефреном. Вот первая строфа задуманной мною вещицы:

С одной стороны сидит бедняк,
И что-то он привинчивает.
С другой стороны сидит кулак,
И что-то он отвинчивает.

— Позвольте, — скорбно отозвался главный музгизовец, вынимая изо рта рыбью кожу, — в колхозах нет кулаков.

— Главное — во внутреннем настроении, а не в деталях, — быстро согласился поэт, — можно и так:

С одной стороны сидит бедняк,
И что-то он привинчивает,
С другой стороны сидит середняк,
И что-то...

— В колхозах бедняков нет, — уныло покачал головой музгизовец, и видя, что популярный поэт обижается, добавил, — вставьте вместо бедняка рыбак. С одной, мол, стороны сидит рыбак и с другой — рыбак. Издадим специально для ловцов колхозов.

Потом читали другие. Более шумный поэт, небреживший, под Есенина, читал нараспев бойкую песенку, напоминавшую хор юродивых из старых русских опер.

Ах ты гой еси, мой батюшка-силос,
Не гони ты тракториста на мороз.

— Силос это не то, — тоскливо увещевал его главный музгизовец, — силос в родственных отношениях с трактористом состоять не может. Он, извините, — корм.

— Ритм важнее корма, — сурово шипел поэт. — Я из-за него стиха ломать не буду. Не нравится отец, можно переделать так: „Ах ты гой еси, мой дядюшка-силос...“

Ему дали второй аванс и посоветовали предпринять творческую поездку. Читали другие. Удачно переложённые на музыку частушки о постановках в Малом театре не подошли. Не подошла и вокализованная баллада о недоремонтированном тракторе, который в белом саване являлся по ночам раскаявшемуся лодырю. Ничего не подошло. Главный музгизовец нервно давил в стакане выжатый лимон и скорбно перекрикивал собрание:

— Я буду краток. Колхозу нужна песня...

И еще через декаду в покоях Музгиза кушали пухлые бутерброды с краковской колбасой, и еще через декаду не было издано ни одной песни для колхоза.

В колхоз приходили лопаты, байковые одеяла, ламповые абажуры и столярный клей, но песен не было.

„Ухарь-купец“ и „Коробушка“ торжествовали, а поэты и композиторы клялись высокими, полными энтузиазма голосами, что „магнотрой“ и полотна колхозных песен — за ними. И получали авансы.

АРК. БУХОВ

Через полторы декады в тех же покоях Музгиза сидело несколько уменьшенное количество лиц мужского пола, кушали плоские бутерброды с балыком и зачитывали вслух опусы для колхозного пения.

В графинах нехватало влаги,
 Пылал дискуссии костер.
 Я встал, исполненный отваги,
 И руку левую простер.
 (Так простирают длань поэты,
 Любители батальных поз!).
 — Друзья! Оставим путь вендетты
 И мирно разрешим вопрос.

Мы не в трамвае. К чорту руганы!
 Вложите языки в ножны.
 Зачем бросаться друг на друга?
 Кому побоища нужны?

Давайте дружелюбно, тихо,
 Душевно, без муры густой
 Найдем из положенья выход
 Разумный, ясный и простой.

В чем дело? Вам нужна бумага,
 Конечно, кипы, а не десть?
 Всем тем, кто ждет ее, как блага,
 Я говорю: бумага есть.

Ее добыть весьма нетрудно,
 Лишь стоит захотеть, друзья.
 Есть много книг настолько нудных,
 Что их переварить нельзя.

Под маркою новелл, романов
 На полки книжные, спеша,
 Ползет творенье графоманов —
 Густая, пресная лапша.

Она куда сильнее наркоза.
 Начнешь жевать и спишь уже.
 Кому нужна такая проза,
 Хотя бы в малом тираже?

Стихи не лучше этой прозы,
 Тяжел рифмованный оброн —
 Пустопорожние стихозы

В три тыщи ненормальных строк.
 Я выносил их, как вериги,
 Страдал, но до конца прочел.
 Товарищи! Такие книги
 Я предлагаю сдать в размол.

В размол! К читателям — ни шагу!
 Друзья! Свой ложный стыд поправ,
 Проголосуйте за бумагу,
 Скажите: да, оратор прав!
 Мой вывод прост, разумен, ясен.
 Итак, внесем в повестку дня.
 Кто скажет первым: „Я — согласен
 Начнем, товарищи, с меня?“

Я сел. Молчанье. Нет ответа.
 Мне стало жарко. Зал притих.
 Как будто говорилось это
 На пленуме глухонемых!

Ужель впустую речь живая,
 И жар ораторский не впрок?
 Как вдруг, молчанье разрывая,
 Раздался бодрый тенорок.

Не знаю кто — поэт? Прозаик?
 Какой взрастил его группком? —
 Сказал: „Я голосую за и
 Согласен с вами целиком“.

Гип-гип ура! Привет герою!
 Нет, не исчезли смельчаки!
 Я был растроган и, не скрою,
 Смахнул слезинку со щеки.

О, эти сладостные миги
 С участием платка и слез!
 „Ну что ж, давайте ваши книги,
 Как говорится, первый взнос!“

Я встал, к принятию готовый.
 Я руки протянул. В ответ
 Герой воскликнул: „Что вы! Что вы!
 Книг у меня, простите, нет.“

Не понимаю, что вы ржете? —
 Перекрывая смех и шум,
 Он кончил на высокой ноте:
 „Книг нет, но я их напишу!“

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

У САМОВАРА МОСГОРТОП

Самовар давно завоевал признание в международном масштабе. Экспорт тульских самоваров непрерывно растет. За границей поют модную песенку: „У самовара я и моя Маша“.

Единственный, кто ведет неутомимую войну с самоваром, это трест Мосгортоп и его ответственный вельможа Ратковский.

По договору с Наркомлесом, Мосгортоп обязался снабжать Москву древесным углем. Но до сих пор ни одного кило угля москвичи от Мосгортопа не видели.

Наркомлес подал жалобу в арбитраж. Арбитраж трижды предлагал Мосгортопу немедленно наладить снабжение углем.

Но не таков был Мосгортоп. Он нашел лазейку. В договоре сказано, что в случае нарушения договора Мосгортоп обязан ежедневно платить пятьсот рублей штрафа.

Этот пункт вполне устраивает Мосгортоп. Он аккуратно платит штраф, но угля не заготавливает. Он будет платить по 500 рублей в день до тех пор, пока хватит терпения, но не позволит, чтобы самовары задымились.

Он против самоварного мещанства. Он — на-страже. Невместно боярину Ратковскому, руководителю хитрого и идейного Мосгортопа, заниматься снабжением москвичей углем. Мелко!

Рис. К. Елисева

— За такие брюки покупатели тебя бить будут!...
 — У них руки заняты, — брюки же без пуговиц, их поддерживать надо...

„К ИСПОЛНЕНИЮ СРОЧНОМУ“

(Салат из резолюции)

В НАРКОМЛЕС

„Совнарком СССР предлагает Вам срочно дать Ваше заключение по программе Академии наук в 1934 г.“

РЕЗОЛЮЦИЯ.

В виду срочности вопрос передать тов. Розенталю.
Секретарь коллегии.

РЕЗОЛЮЦИЯ.

В виду срочности выполнение беру на себя.
Розенталь.

СПРАВКА.

Товарищ Розенталь выбыл в командировку. Письмо Совнаркома, в виду срочности, передать т. Герману.

РЕЗОЛЮЦИЯ.

Выполнение беру на себя.
Герман.

ОТНОШЕНИЕ.

В виду срочности, письмо передать т. Бамдасу.

РЕЗОЛЮЦИЯ.

Срочно к проработке. Выполнение беру на себя.
Бамдас.

ЗАПРОС КОМИССИИ ПРОВЕРКИ ИСПОЛНЕНИЯ.

Сообщите, почему не выполнен запрос Совнаркома?

РЕЗОЛЮЦИЯ.

Навести справки, у кого письмо.
Бамдас.

РЕЗОЛЮЦИЯ.

По наведенным справкам письмо оказалось у тов. Бамдаса.

РЕЗОЛЮЦИЯ.

Выяснить, что сделано по письму Совнаркома.
Бамдас.

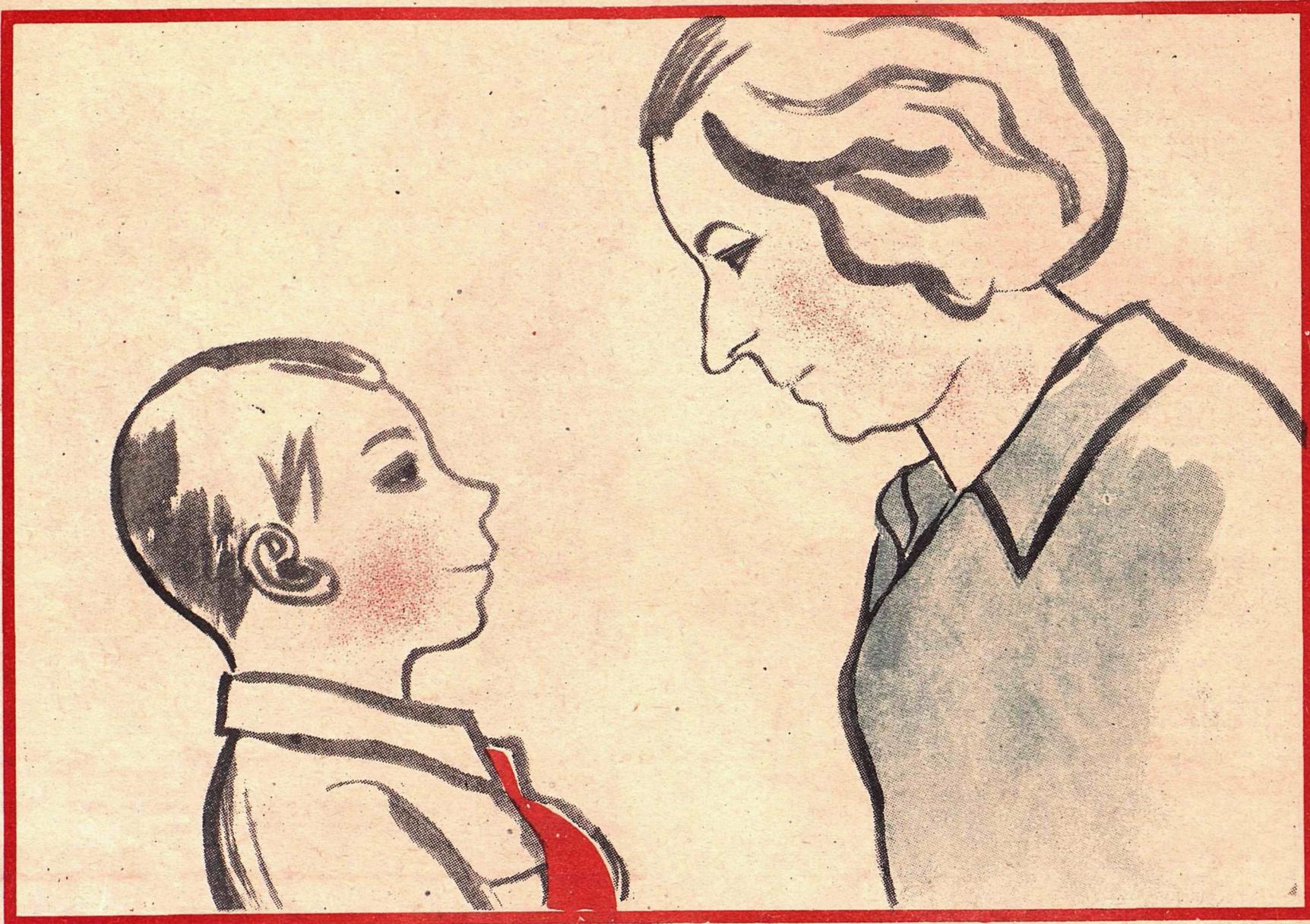
РЕЗОЛЮЦИЯ.

По письму Совнаркома ничего не сделано. В виду того, что письмо лежит почти месяц, срок явно просрочен. Считаю отвечать несвоевременным.
Бамдас.

ДОБАВЛЕНИЕ.

Прошу дать мне 10 дней срока. В виду важности и срочности запроса выполнение беру на себя.
Бамдас.

ПРИМЕЧАНИЕ: Комментарии излишни. Дальше можно читать о самого начала, в обратном порядке.

— Где ты вчера был?
 — Под Москвой
 — На дачу ездил?
 — Нет, метрополитен осматривал.

ЛИЦА С ВЫРАЖЕНИЯМИ

„Крестить рот — делать рукой знак у рта“.
 „Непременный член — член крестьянского присутствия“.
 „Печонка отдувается — печень налима слывет у знатоков особо лакомой частью“.
 „Балансировать — не падать“.
 „Физиономия — выражение лица“.
 „Всевышний — одно из названий бога: выше всех стоящий“.
 „Проведенье — (очевидно „провидение“), якобы, божья воля“.
 „Невод — рыболовная сеть небольших (?) размеров“.
 „Мораль — правила обращения с людьми“.
 „Смрад — смертный воздух“.
 „Цынга — болезнь, вызываемая жизнью в холодных, переполненных, дурно проветриваемых помещениях“.
 „Лачужка — маленькая избушка“.
 „Идиот — круглый дурак“.

На вашем лице недоумение. Вы спрашиваете: что это такое? Плоские шуточки развлекающегося бездельника или, может быть, чье-нибудь творчество, представленное на конкурс нелепостей?

Ни то и ни другое. И вообще можно держать пари, что вы никогда не догадаетесь, откуда взяты эти унылые откровения.

Не узнаете этого до тех пор, пока не возьмете в руки и не перелистаете четыре сборника „Библиотеки начинающего читателя“ со стихами Пушкина, Лермонтова, Некрасова и с рассказами Чехова, только что выпущенные ГИХЛ в стотысячных тиражах специально для колхозной деревни.

Если хотите, мы можем привести из этих сборников еще несколько десятков таких же, с позволения сказать, „примечаний к классикам“, сделанных редактором С. Кавтарадзе, над которыми, поди, хохочут не только колхозники, но и колхозные куры.

Мы считаем, что эта „энциклопедия разъяснений“ страдает некоторой неполнотой и рекомендуем добавить к ней следующие объяснения: Безграмотность — болезнь, вызываемая пребыванием в плохо контролируемых редакциях.

Редактор — не всегда внимательный к работе человек. Иногда — наоборот.

Снятие с работы — правило обращения с людьми, берущимися не за свое дело.

Н. В.

ХОМЯКИ И ЛЮДИ

В теорию и практику развития алкоголизма Ивановский рик (ДВК) внес довольно ценные вклады. Когда у члена рика Калошников спросили, почему он пьет, упомянутый Калошников ответил:

— Без водки жизни нет. Если человек не пьянствует, чем он отличается от хомяка?

Другой член рика, Небесный, 8 марта начал читать доклад и, не докончив его, упал с трибуны, так как не мог держаться на ногах.

Хомяки так не поступают. Во всяком случае, приличные. А неприличных хомяков так же, как и спившихся людей, просто надо выгнать с насиженных мест.

ШИЛЛЕР С ФОКСТРОТОМ

В Каменец-Подольске театральные билеты продаются в первой государственной аптеке.

Это роковое соседство сценического искусства с горчичиками и вытяжными пластырями сказалось на репертуаре городского театра.

В качестве специального каменец-подольского боевика идет „Коварство и любовь“, переложенное на музыку местным дирижером Бектабековым. Мы не знаем, как сработался Бектабеков с Шиллером. Должно быть, не плохо, но в результате этого неожиданного соавторства в „Коварстве и любви“ Луиза и Фердинанд, согласно афише, „исполняют старинный фокстрот“.

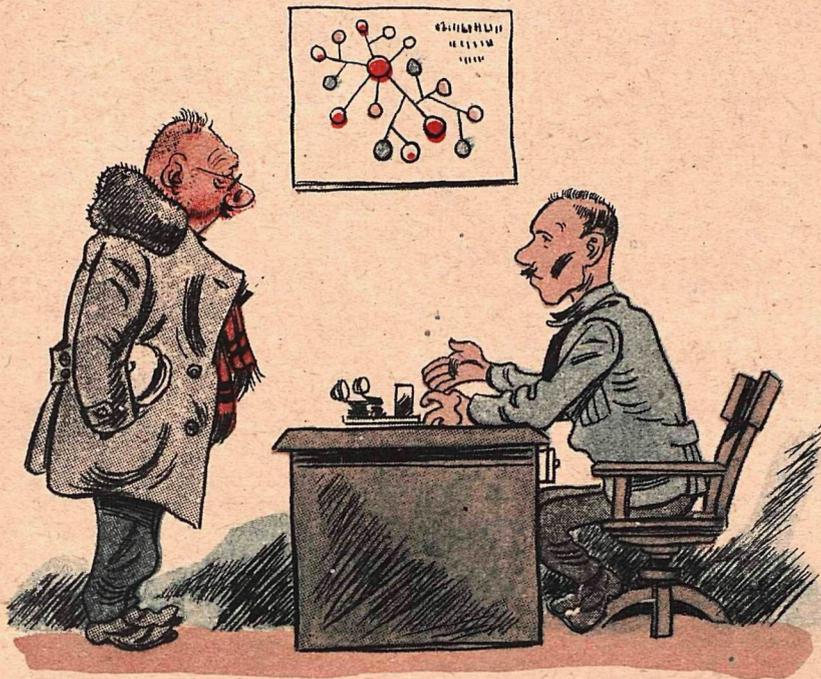
Мы не против самодеятельности провинциальных дирижеров, не против Фридриха Шиллера, не против фокстрота, но категорически высказываемся за самостоятельное существование того, и другого, и третьего.

Даже в Каменец-Подольске Шиллер хорош и без Бектабекова. А фокстрот совершенно спокойно можно танцевать и без Шиллера. Иначе в первой государственной аптеке Каменец-Подольска скоро можно будет приобретать билеты и на „Ревизора“ с джаз-бандом. В аптеке купят. Дешевое искусство так же бойко расхочется, как и дешевые примочки.

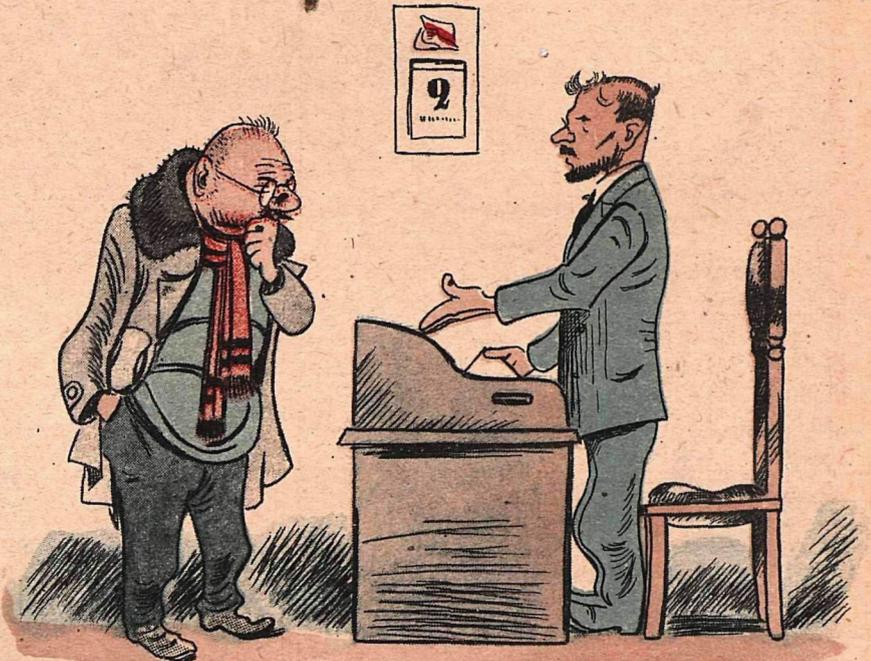
Н. Ч.

ГДЕ ВАША БУМАГА?

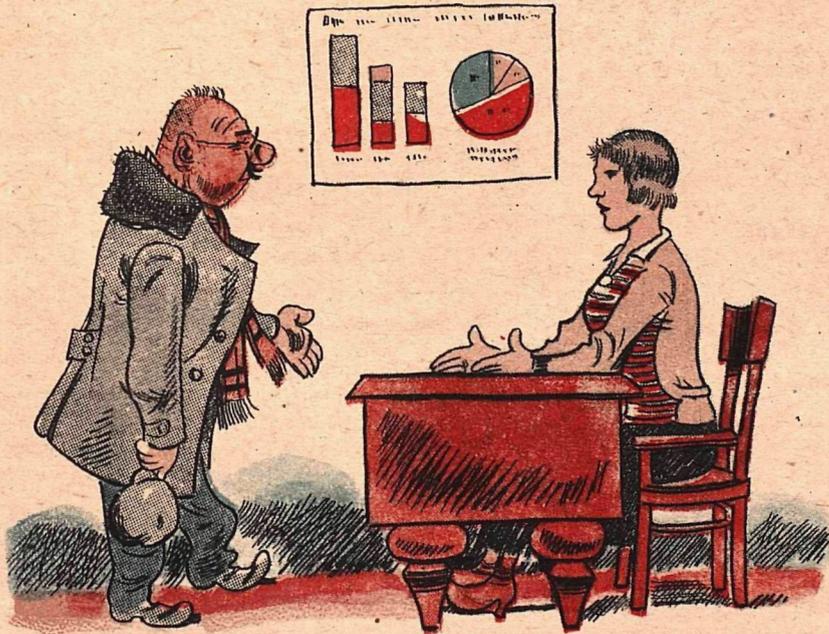
Рис. Ю. Ганфа

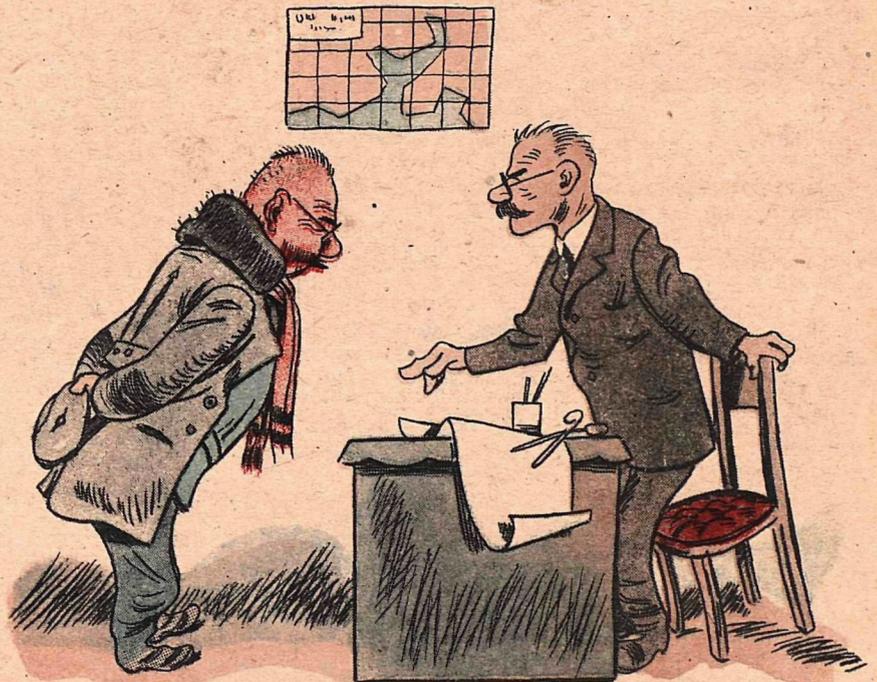
Пришел ответработник в чужое учреждение. Назвал свою фамилию, место работы, цель прихода и сразу нарвался на требование:
— Пред'явите вашу бумагу!

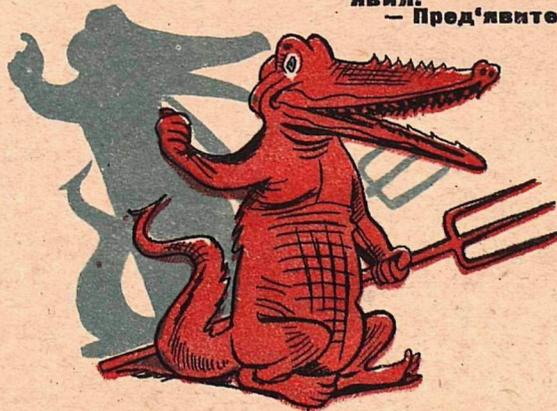
Обиделся ответработник и пошел жаловаться в Комиссию советского контроля. Там выслушали. Подумали и что же — такая же сухая резолюция:
— Пред'явите вашу бумагу!

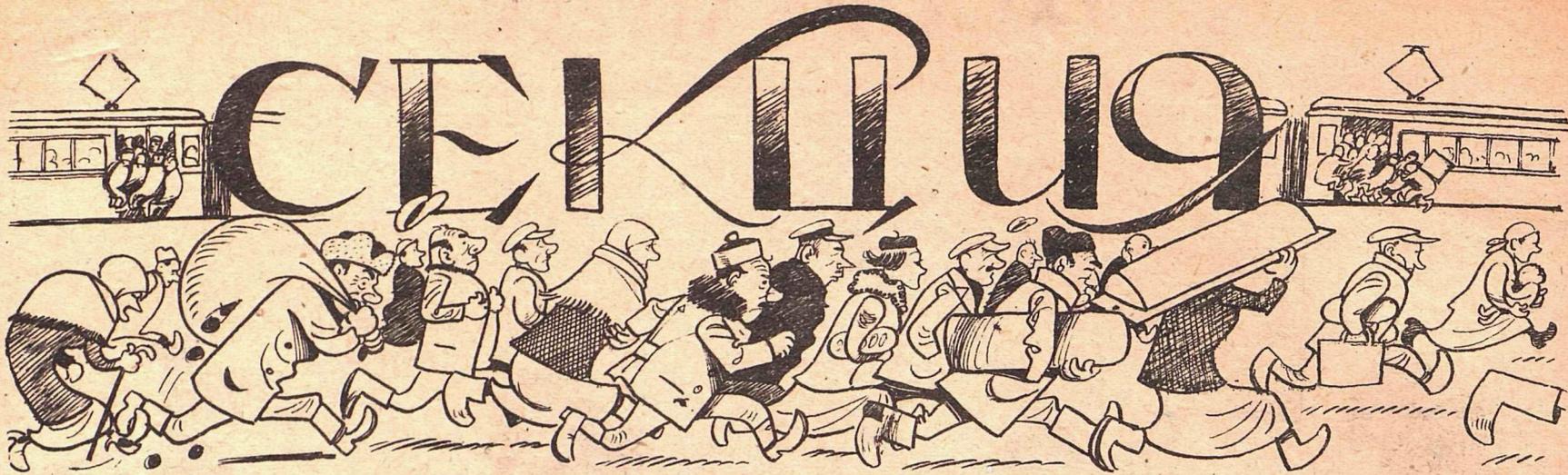
Пошел огорченный ответработник в редакцию газеты. Там тоже сказали:
— Пред'явите вашу бумагу.

Дошел вконец обиженный ответработник до самого зам. наркома. Пожаловался. Тот выслушал. И сердито заявил:
— Пред'явите вашу бумагу.

РЕЗОЛЮЦИЯ «КРОКОДИЛА». Возмутительный случай? Неправда ли? Ничего подобного! Так и надо этому самому ответработнику. Как же с него не требовать везде и всюду бумагу, если он директор бумажной фабрики, не выполняющей своего плана.

В крытом помещении Северного вокзала стояла толпа пассажиров, ожидая выпуска на платформу.

В двери вокзала то и дело вбегали запоздавшие с чемоданчиками и растерянно спрашивали у стоявших:

— Не выпускали еще на Пушкино? Куда становиться?

— По радио объявят, тогда узнаете!

Вдруг в рупоре что-то кашлянуло на весь вокзал и простуженным голосом сказал:

— Внимание!..

— У, чтоб тебя, испугал досмерти!—вскринула женщина с корытом.

— Внимание... В 12 часов двадцать минут поезд отправляется на Пушкино. Передняя секция. С платформы № 6. Выход на платформу через проходы БЕ, ВЕ.

И сейчас же послышалось кругом:

— В какие проходы—БЕ, ВЕ или ВЕ, ГЕ?..

— А кто их разберет, БЕ или ВЕ. У людей по номерам, а тут буквы пустили, никогда ничего не поймешь.

— А что это такое секция?—спросила не смело женщина с корытом.

Человек с портфелем недовольно оглянулся и сказал:

— Вот вам еще лекции читать о том, что такое секция... Ну, часть, отделение,—понятно?

Женщина ничего не ответила, только посмотрела на человека с портфелем и отошла.

— На Пушкино проходы БЕ, ВЕ или ВЕ, ГЕ?—спрашивали друг у друга в толпе.

— Кажется, ВЕ, ГЕ, а впрочем не знаю,—сказал человек в очках,—я в это время закашлялся и не разобрал.

— О, господи!..

Женщина, услышав вежливый ответ, несмело подошла.

— Батюшка, а секция что такое?

— Какая секция? Кто говорил про секцию?

— А вот этот вот,—сказала женщина, нерешительно указав кривым пальцем на рупор под потолком.

— ... Не знаю... При чем тут секция?

Вдруг открылось сразу двое дверей. Толпа, разделившись на две реки, бросилась в них, крича на тех, кто, растерявшись, не знал, в какие двери кинуться.

— Что вы тыкаетесь под ногами, ни туда ни сюда!

— Простите,—не расслышал—БЕ или ВЕ?

Вышедшие на платформу бросились бегом занимать места в вагонах. Женщина с корытом, поспевая за другими, говорила на ходу:

— Господи батюшка, целый день только и делаешь, что бегаешь.

— На корыте бы на своем ехала, коли бегать не хочешь!—крикнул человек с плетеной сумкой,—только дорогу загораживает!

Все бежали в передние вагоны. Женщина, тяжело дыша, остановилась около заднего и, поставив корыто, поправила на голове платок.

— Ведь вот пустой совсем вагон, куда ж они все дальше бегут?—сказала она.

— Это уж такая дурацкая манера,—согласился подошедший человек в пальто с чемоданчиком в чехле.—В вагон войдут, так ни за что не сядут на первом свободном месте, а все лезут куда-то дальше.

— Ну, что же, проходите в вагон или с дороги пускайте!—кричали подбежавшие пассажиры,—целую прачечную с собой захватила!

Все полезли в вагон и, бросившись к пустым диванчикам, захватили себе места.

— А думали, что не сядем...

— В передних вагонах ужас что делается,—сказала дама с красным, точно из бани, лицом и, обмахиваясь платочком, села на свободную скамейку.

Женщина с корытом наклонилась к сидевшему впереди человеку с чемоданчиком в чехле и спросила:

— Батюшка, а что такое секция?

Человек с чемоданчиком вскинул кверху глаза и задумался.

— Секция—это известный отрезок, часть, группа... чорт ее знает, не знаю, как точно определить.

— Секция—это... ну, как сказать, вот, например, художественная, научная секция,—сказала полная дама.

Человек с чемоданчиком посмотрел на часы и сказал:

— Через минуту тронемся. Тут уж точно. Только почему они дают гудок и в тот же самый момент трогаются.

Действительно, ровно через минуту раздался короткий, глухой звук, точно кто-то дунул в духовой инструмент.

— Как в аптеке,—заметил, улыбнувшись, с другого диванчика человек в полушубке.

Женщина с корытом перекрестилась.

— Смальства привыкла перед дорогой,—сказала она, как бы извиняясь.

А стоявшие на платформе мальчишки с коньками в руках вдруг чего-то покатились со смеху, показывая пальцами на сидевших в вагоне.

— Вот вам молодое поколение,—сказала полная дама,—женщина перекрестилась перед дорогой, ее насмех подняли.

— Нет, они как будто и на вас пальцами показывают.

— Им все равно, на кого показывать,—лишь бы хулиганить,—сказала полная дама, на всякий случай все-таки осматрив свой костюм.—Что будет из этого поколения?..

Прошла минута. Вагон не двигался. Мальчишки продолжали бесноваться перед окном.

— Ну, вот это правильно,—сказал человек с чемоданчиком,—дал гудок—пережди с минуту, а то трогаются в момент гудка, какой смысл, спрашивается, когда не успеешь даже повернуться.

Прошло три минуты, потом пять. Вагон все не двигался.

Вдруг дверь с грохотом отодвинулась, вошел железнодорожный служащий в валенках.

— Вы чего сюда забрались?

— А что?

— То, что идет передняя секция... передние три вагона ушли, а вы, как сычи, тут сидите. Выметайтесь!

Все бросились вон.

— Чтоб вас чорт побрал с вашими секциями!

— Не даром у меня, как сердце чуяло,—сказала женщина с корытом,—у всех про нее спрашивала,—никто не знает.

— Ну, теперь будешь знать,—сказал служащий,—с месяц у нас тут поездишь, всем языкам обучишься. Выметайся!

ПАНТЕЛЕЙМОН РОМАНОВ

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

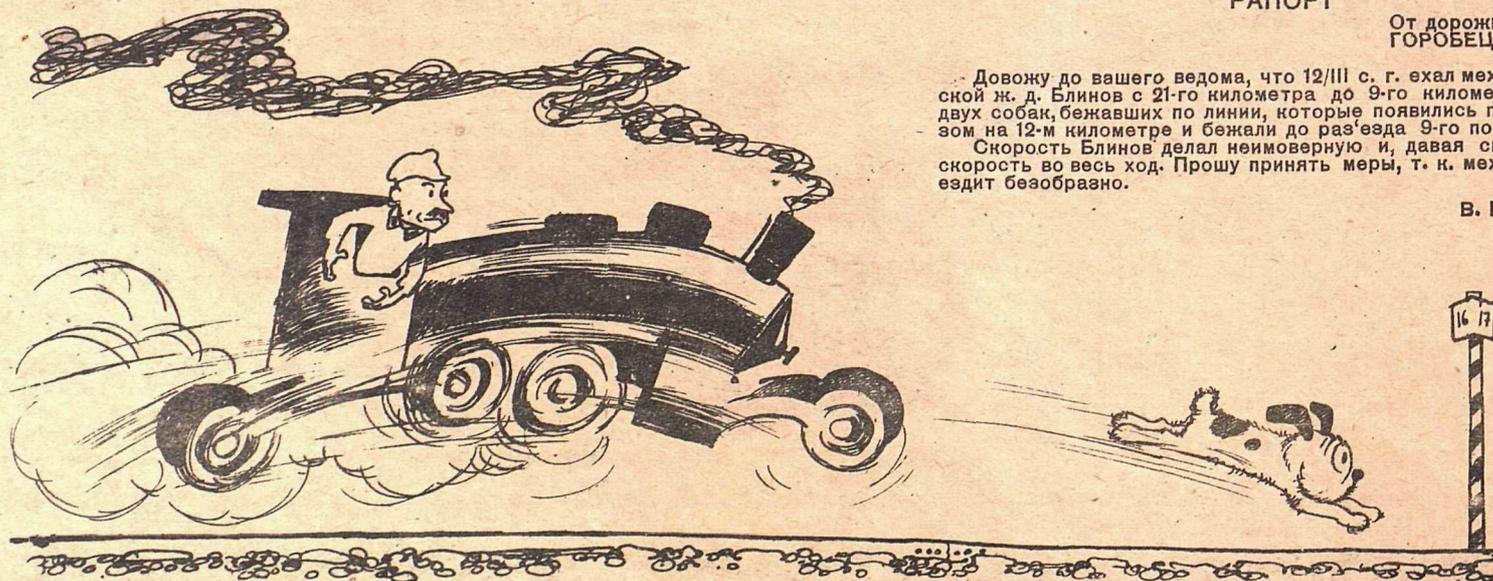
РАПОРТ

От дорожного мастера
ГОРОБЕЦ В. Г.

Довожу до вашего ведома, что 12/III с. г. ехал механик Мурманской ж. д. Блинов с 21-го километра до 9-го километра, нагоняя двух собак, бежавших по линии, которые появились перед паровозом на 12-м километре и бежали до раз'езда 9-го поста по линии. Скорость Блинов делал невероятную и, давая свистки, довел скорость во весь ход. Прошу принять меры, т. к. механик Блинов ездит безобразно.

В. ГОРОБЕЦ.

Рис. М. Х.

ГДЕ У ВАС РАЦИОНАЛИЗАТОРСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ?

(Подлинные фото)

Стол директора центрального отдела механизации НКсовхозов! Неразобранные дела.

Учебноопытный совхоз № 2 (глав. инженер — Кириченко). Полтора года не рассматривалось ни одно дело. Дела пропадают и расхищаются.

Сколько в водостроительстве Азово-Черноморского края. Рабочие предложения валяются на шкафу.

Модели изобретений в складе центрального отдела механизации НКсовхозов просто свалены в кучу.

КИРИЧЕНКО

ПАПШЕВ

МАЛАХОВ

НКсовхозов (Нач. НТУ Пашев) 100 неразобранных дел.

Совхоз „Гигант“ (зав. бриз Малахов). Изобретательские дела, обнаруженные на чердаке совхозной гостиницы.

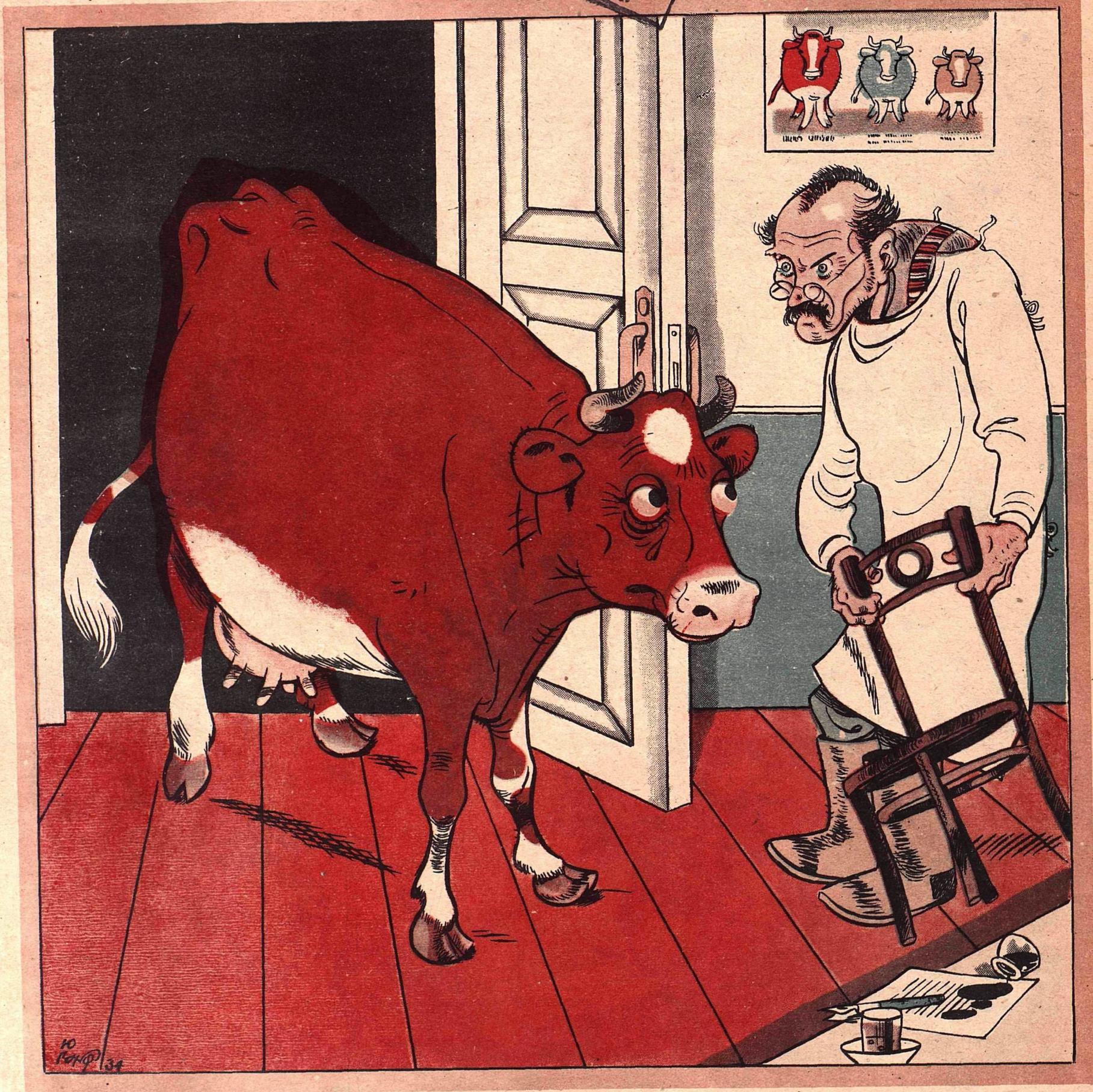
„Крокодил“ спрашивает об этом Научно-техническое управление НКсовхозов и сам дает совершенно конкретные ответы

11475
К Р О К О Д И Л

А. С. И. В.
20/1
1934
1-4-15-75

Судя по ориентировочным данным, представленным плановиками Наркомзема, в 1934 году коровы, вопреки законам природы, должны будут теляться два раза.

Рис. Ю. Ганфа

КОРОВА: — Скажу вам прямо, товарищи, плана в этом году я, кажется, не выполню...

410